

Настоящие
ИСТОРИИ
ненастоящего
адмирала

Алексей Возилов

6+

Алексей Возилов

**Настоящие истории
ненастоящего адмирала**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Возиллов А.

Настоящие истории ненастоящего адмирала / А. Возиллов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнь — это большое приключение. Как самостоятельно сшить рюкзак и отправиться в поход? Как не утонуть в шторм? Почему не надо подниматься на гору Юрма? Кому продать сто вязаных шапочек? В общем, какие обычные житейские, а также невероятные, а порой и мистические события пришлось ему пережить, рассказывает автор и герой этой книги.

Содержание

Благодарности	5
История первая. Начало	8
История вторая. Дед Василий и его семья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Благодарности

Здравствуй, дорогой читатель! В книге, которую ты сейчас держишь в руках, изложены интересные, временами захватывающие, а главное, очень честные истории. Перед тем как начать своё повествование, я хочу выразить глубокую благодарность людям, которые в той или иной степени способствовали появлению на свет этого произведения.

Я благодарю мою бабушку Валентину Петровну Оленеву. Именно её интереснейшие рассказы о прошлом нашей семьи и навели меня на мысль о написании книги.

Мою искреннюю благодарность я передаю маме Ольге Васильевне Возиловой. Мама, спасибо тебе, что я не только появился на свет, но и обрел свой путь, по которому иду вот уже сорок четыре года и о котором я с удовольствием написал в этой книге.

Идея создания книги родилась в моем любимом Петербурге, куда волею судеб я был заброшен в сентябре две тысячи семнадцатого года. Спасибо тебе, Санкт-Петербург, за вдохновение!

Первую неделю, проведённую в городе, я гостил у моих давних друзей Кирилла и Полины Косовых. Ребята, спасибо вам за кров и ваши добрые, открытые сердца.

Вообще по жизни я везучий человек. Мне везёт не только с друзьями, но с друзьями моих друзей и родственников. Спасибо вам, тётя Женя Голубовская, подруга юности моей мамы. Вы приютили меня в своем доме осенью и в начале зимы две тысячи семнадцатого года. Именно в вашей уютной квартире недалеко от станции метро «Автово» и были написаны мои «Настоящие истории».

Спасибо Галине Васильевне Комяковой, удивительной женщине, которая полвека тому назад учила мою маму декламированию, а в дни написания книги стала первым её участливым критиком. Ваша любовь к людям и одобрение моих творческих усилий в буквальном смысле вдохновляли меня. Благодарю вас!

Первая часть этой книги посвящена судьбам моих предков. По рассказам нескольких прекрасных людей я смог буквально по крупицам воссоздать историю семьи и событий, связанных с ней. Благодарю моего двоюродного деда Михаила Павловича Сухачёва за рассказы о жизни моих родственников, за книги «Дети блокады» и «Там, за чертой блокады». Они во многом помогли мне впитать и пережить истории блокадного Ленинграда и воссоздать картины того времени.

Огромную благодарность я хочу выразить и моей четверюродной тётке Нине Алексеевне Жильцовой, живущей в Мурманске. Она открыла мне много тайн семьи Возиловых, о которых вы прочтёте в этой книге. Именно Нина Алексеевна рассказала о моей троюродной тётке из Ярославля Ирине Светловой, которая, в свою очередь, также мне очень помогла в написании книги. Спасибо вам, Ирина!

Спасибо Галине Волковой, директору хоровой капеллы «Ярославия», которая благодаря своей настойчивости смогла отыскать моих ярославских родственников.

Спасибо моим друзьям и первым читателям отдельных глав Андрею и Алине Шматовым, Лене Стрельниковой за ободрение и положительную критику.

Отдельно хотел бы поблагодарить команду, во многом стараниями которой сейчас вы держите в руках эту прекрасную книгу. Елена Иванова, спасибо за терпение в редактировании текстов: вы провели огромную работу и привели мои мысли и записи в полный порядок. Спасибо талантливейшему художнику Алексею Зуеву за точные и филигранные иллюстрации. Спасибо моему другу, дизайнеру из Петербурга Андрею Илингину за обложку. Андрей, ты, как всегда, молодец! И ещё одна благодарность сейчас летит в адрес Василия Игумнова и всей команды издательства «Лада-Принт», Тольятти. Спасибо, вы настоящие профессионалы!

И наконец я бы хотел сказать спасибо моей супруге Наташе Возиловой за терпение, которое она проявляет ежедневно, за любовь ко мне и к тому, что я делаю, за понимание и просто за то, что она есть в моей жизни. Благодарю!

Вступление

Зачем? Этот вопрос не дает мне покоя. Впрочем, вполне очевидно, что не только мне – многие люди на нашей старушке Земле так или иначе хотят получить на него ответ. Думаю, что, начав писать эту книгу, я как раз и попытался изложить не дающие мне покоя мысли. И, возможно, как раз «Настоящие истории» могут приблизить меня к разгадке тайны жизни одного обыкновенного человека.

Разрешите представиться, меня зовут Алексей. Я родился в городе-герое Мурманске, в далёком уже тысяча девятьсот семьдесят третьем году.

Частенько жизнь, мелькающую перед нашими глазами, можно сравнить с одиноко стоящей коровой, бессмысленно жующей траву на обочине пыльной дороги возле железнодорожных путей. Изредка она лениво поднимает глаза и без удивления посматривает на пролетающий мимо поезд. Для нее существование – это пожухлая трава, бесконечная дорога, пыль и непонятное, шумное, но неопасное чудовище, которое иногда проносится мимо.

Другое дело – жизнь путешественника, который так же скучающе жуёт что-то незамысловатое в своем купе. Для него одинокая корова – лишь часть пейзажа, за долю секунды мелькнувшего за окном. Он не успевает сделать даже глоток крепкого чая из мельхиорового подстаканника – а картинка уже изменилась. Корова забыта, а за окном мелькают все новые и новые пейзажи. Только вдумайтесь: все произошло в одно и то же мгновение, но насколько колоссальна разница картины мира.

Моя жизнь – это жизнь путешественника. Путешественника, который похож на акулу: он, так же как и акула, не может остановиться ни на секунду. Если акула окажется без движения, она умрет. Акула должна постоянно двигаться, так же и я должен постоянно находиться в движении, перемещаясь по свету, встречаясь с новыми интересными людьми, заводя новые знакомства.

Возвращаясь в поезд, несущийся в пространстве, мы не можем не упомянуть о машинисте. Кому-то может показаться, что жизнь этого человека весьма романтична, ведь он тоже путешественник. Но это только на первый взгляд. На самом деле она кардинальным образом отличается от жизни путешествующего человека. На самом деле машинист электропоезда, условно, Балезино – Улан-Батор, не ведет этот поезд в течение всего пути. Бригады таких же машинистов меняются на маршруте друг с другом. Путешественник продолжает следовать намеченным маршрутом, а машинист, доехав до, например, Барабинска, возвращается в свое Балезино и потом опять везет уже новых пассажиров в славный Барабинск. И так продолжается всю его, в общем-то, однообразную жизнь. И чем-то этот машинист напоминает мне скучающую корову. Разница между ними только в картинке. Для жвачного животного пролетающий мимо поезд – мелькнувший мимо фрагмент ее коровьей жизни. У машиниста, пролетающего мимо коровы, и сама она, и ее бессмысленное жевание вызывают привычное уныние.

В раннем детстве я услышал от мамы замечательные строки из стихотворения Павла Когана «Гроза»:

Я с детства не любил овал!

Я с детства угол рисовал!

Павел Коган написал эти слова в тысяча девятьсот тридцать шестом году, когда ему было восемнадцать. Жизнь поэта сложилась трагически: автор знаменитой песни «Бригантина» совсем молодым человеком ушел на войну и погиб под Новороссийском в возрасте двадцати четырех лет.

Эти стихи я услышал спустя полвека со времени их написания. Тогда я не понимал глубокого смысла этих слов, но они навсегда вошли в мою жизнь. Строки стихотворения Когана помогли мне двигаться – очень часто против течения, – и идти своей дорогой.

Я с детства не любил овал!

Я с детства угол рисовал!

Интуитивно я всегда выбирал движение, жизнь человека путешественника, часто не очень комфортную для близких мне людей.

История первая. Начало

Итак, я начинаю рассказ об удивительной жизни моей семьи, об историях, участником которых стал сам ваш покорный слуга, и о людях, так сильно повлиявших на то, что я пишу эти строки.

Для начала вернемся на сто с лишним лет назад, в станицу Дундуковскую (запомните это название, ибо оно еще появится в этой книге). Только отмечу, что, к моему великому сожалению, дальше четвертого поколения своей родни по материнской линии я сегодня заглянуть не могу.

Моя прабабка, урожденная Вера Ивановна Попенко, из казачьей семьи. Ее родители, братья и сестры жили в крепком и богатом сельском доме и считались весьма зажиточными. В те времена их точно можно было назвать кулаками: в хозяйстве были лошади, коровы, а мелкий скот и птицу просто не считали. У Попенко всегда были работники – и во дворе, и в доме.

Вера Ивановна родилась в тысяча девятьсот четвертом году. Моей прабабушке исполнилось четырнадцать, когда в Дундуковскую ворвались отряды красных. Началась Гражданская война. Дом Попенко поделился на два лагеря. Помните, у Шолохова в романе «Тихий Дон»: «Дорога-то у нас одна, да едут все по-разному...» Вот и поехали по этой дороге жизни по-разному ее братья. Кто-то стал красным, а кто-то белым. К моему огорчению, больше я о моих предках ничего не знаю. В детстве видел только старые фотографии в бабушкиных альбомах. С них на меня смотрели подтянутые офицеры при усах и с шашками.

История жизни моей прабабки действительно удивительная. Родившись в казачьей станице, она прошла через революцию и голодомор, Гражданскую и Великую Отечественную войну. Вера Ивановна застала раскулачивание и коллективизацию, НЭП, застой и перестройку. Только вдумайтесь: она родилась, когда наша держава называлась Российское государство и у власти находился Николай Второй. Далее времена перемен сопровождали ее всю жизнь, то затихая, то вновь бушующая. Временное правительство и Керенский, революция, рождение нового государства из малопонятных букв СССР. Эпоха Троцкого, Ленина, Сталина. Времена репрессий и войны. На смену Сталину приходит «кукурузный лидер» Хрущев. Затем застой и Брежнев. Андропов и Черненко. «Перестроечный» Горбачев и демократ Ельцин. Огромная эпоха пронеслась перед глазами ужасным локомотивом, пуская пыль в глаза и громящая колесами.

В тысяча девятьсот двадцать девятом году в жизни Веры Попенко появился brave красный моряк Пётр Данилович Мордовченко. Родился Пётр Данилович в маленькой деревеньке староверов Колунец. Богом забытая деревушка и по сей день стоит всего в двух часах ходьбы от Тетюшей, провинциального городка на правом берегу Средней Волги. Сейчас ее население составляет не больше ста человек. Когда я был в Колунце несколько лет назад, в этой деревне не было даже магазина, и только раз в неделю приезжала туда продовольственная лавка. В начале же двадцатого века это было вполне крепкое село, со своей церковью, которая была построена в тысяча восемьсот семнадцатом году на средства прихожан.

Как я уже упоминал, в основном жителями этого села были староверы – старообрядцы-спасовцы. Сейчас я точно не скажу, была ли семья моего прадеда старообрядческой, но отмечу достаточно уверенно: судя по фамилии и месту проживания, кровь в жилах Петра Даниловича Мордовченко смешалась, и довольно сильно. Думаю, у него были татарские, мордовские и украинские корни. В революционном тысяча девятьсот семнадцатом году мальчишкой мой прадед убежал из дома. Тогда ему было всего четырнадцать лет. Сейчас в это трудно поверить, но Пётр прямиком отправился в Красную армию. Надо же, как он тогда точно угадал, куда проситься. Забегая вперед, замечу, что прадед связал всю свою жизнь с военным делом. Пётр Данилович прошел несколько войн и был награжден многими орденами и медалями.

Вряд ли сегодня кто-то объяснит, каким ветром занесло прадеда в Тбилиси, но именно там, недалеко от города, он и познакомился с моей прабабкой. Вера Ивановна в то время жила рядом с военным аэродромом, в двадцати километрах от Тбилиси, вместе со своей старшей сестрой Полиной, муж которой служил механиком на этом аэродроме. Тут и произошла встреча моих прадеда и прабабки, которая изменила жизни моих предков на долгие шестьдесят лет.

В тысяча девятьсот тридцатом году в Тбилиси родилась их первая дочь – моя бабушка Валентина. Вскоре прадеда перевели служить в город Ейск, в лётное училище имени Сталина. Конечно же, вся семья переехала вслед за ним. Спустя пять лет в семье Мордовченко родилась еще одна дочь, Эля. Кстати сказать, в Тбилиси моя бабушка вернется через несколько лет, во время войны.

Войну семья встретила в маленьком курортном городке Ейске, моей бабушке Валентине тогда исполнилось одиннадцать лет. Я вспоминаю множество рассказов Валентины Петровны о военных годах, о бесконечных переездах и о том, как в тысяча девятьсот сорок четвертом году в Ейск приехала семья в будущем знаменитой советской актрисы Нонны Мордюковой. Бабушка помнит, как-то в один из летних дней победного сорок пятого Нонна вышла на улицу с котомкой и туфельками за плечами. Моя бабушка тогда гуляла во дворе вместе с другими детьми. Все обратили внимание на красавицу. На вопрос «Куда намылилась?» она спокойно ответила: «Ну, девки, поехала я в Москву, на артистку учиться». Мордюковой тогда было двадцать. В том же году она поступила во ВГИК и больше в Ейск не возвращалась.

Так вот, бабушка вспоминает, что в начале войны, в июне сорок первого года, лётное училище имени Сталина было эвакуировано под Астрахань. Её отца срочно перевели вместе со всеми курсантами и офицерами в более безопасный город – армия не могла потерять одну из лучших лётных школ страны. Моя же прабабушка и две ее маленькие дочки на долгие месяцы стали заложницами войны.

Однако они смогли отыскать мужа и отца и отправились вслед за ним в Астрахань. Как вспоминает бабушка, первый год войны прошел для семьи тихо, а потом грянула буря. В части, где служил прадед, один из курсантов сбежал на фронт. Прадед был его непосредственным начальником. Начались долгие разбирательства, дело было направлено в Москву, и ничего хорошего это не сулило. Подумайте только, курсант сбежал не в тыл, не скрылся где-то в астраханских степях. Он сбежал на фронт! Но после этого Пётр Данилович был временно отстранен от службы. По законам военного времени это почти точно означало трибунал. Судьба же распорядилась по-другому. В то время лётное училище было в срочном порядке переброшено в другое место. Семья же моего прадеда и он сам, отстраненный от службы, должны были оставаться в Астрахани до решения специальной комиссии. Но, как говорится, на войне как на войне. Мой дед, встретившись с друзьями-офицерами из училища перед самым отъездом, принял рискованное решение и попросту уехал вместе с частью в село Боярское Самарской области. Как выяснилось впоследствии, всё было сделано абсолютно верно. Так впервые мои предки ступили на самарскую землю. На землю, где я прожил больше сорока лет. Где родилась моя жена и где потом родились мои дети. Где мой сын встретил свою супругу и появилась на свет моя внучка.

А тогда, в середине сорок третьего года, пришло известие из Москвы, что дело с беглецом закрыто. Петру Даниловичу вернули звание и в срочном порядке перевели его в Мурманск, на Северный фронт. Там он прошел всю войну. Служил мой прадед начальником пожарной охраны. В те годы молодой город Мурманск, основанный в тысяча девятьсот шестнадцатом году, был стратегически важным пунктом. Незамерзающий порт на севере нашей страны являлся чуть ли не единственным местом переброски продовольствия, военной техники, оружия и комплекующих для него. В Мурманск со стороны союзников шли караваны с помощью. Такая картина не устраивала вермахт, и поэтому против советских войск на Севере

проводились серьезные войсковые операции как с суши, так и с моря. Враг топил караваны наших союзников, прорывался на северо-западе Кольского полуострова.

Это было страшное время. Сам город фашисты разрушали непрерывно – по количеству сброшенных бомб Мурманск находился на втором месте после Сталинграда. К окончанию войны он был полностью стерт с лица земли. Как подсчитала статистика, за время Второй мировой войны на Мурманск было совершено 792 авиационных налета, сброшено 185 тысяч авиационных бомб. Разрушено свыше 1500 домов (76 процентов жилищного фонда). Вообще говоря, история моего родного города, города, где я родился, в годы Второй мировой войны была удивительной. Так, по плану военной операции немцев «Барбаросса» Мурманск должны были захватить в самом начале войны. На это амбициозные немцы отвели три, всего три дня! Вы только задумайтесь: двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года одновременно с прорывом государственной границы на западных рубежах немцы начали бомбить Мурманск. За первые дни войны добровольцем на фронт ушел каждый шестой житель города. Во время Великой Отечественной (с января сорок второго года) в порт Мурманск пришло около трехсот судов. Для нашей армии и для страны в целом это было настоящим спасением. Немцам за все годы войны так и не удалось взять город. Хочется вспомнить слова из песни Олега Митяева:

*За Полярным кругом смерть в сорок первом
Расплескала кровь на снег клевером.
Не за ранги и медали
Люди тверже камня стали –
Не отдали, не предали Севера.*

В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году Мурманск получил звание «Город-герой». Вот в этом городе, а также в Североморске и Полярном служил мой прадед Пётр Данилович Мордовченко с сорок третьего по пятьдесят третий год.

Возвращаемся в далекий тысяча девятьсот сорок третий, когда прадед перевелся служить в Мурманск, а семья прабабушки задержалась в селе Борском. Оставшись без мужа, без какого-либо минимального обеспечения, Вера Ивановна, совсем отчаявшись, написала своей тетке Полине письмо в Тбилиси. Как я уже упоминал выше, муж тети Поли служил механиком в летном отряде неподалеку от Тбилиси, в селе Кода. В письме Вера Ивановна жаловалась на тяжелую жизнь в Поволжье, на отсутствие еды. Говорила и о том, что, скорее всего, они умрут. Сейчас может показаться удивительным, но в годы войны почта работала хорошо, и тетя Поля получила письмо моей прабабки. Она не смогла остаться безучастной и в ответном письме пригласила племянницу и двух ее дочерей к себе в гости. Более месяца семья Мордовченко добиралась в Грузию.

2 февраля 1943 года окончилась Сталинградская битва. Враг не перешел на левый берег Волги. Именно это событие помогло семье благополучно добраться до Тбилиси. Путь был очень тяжелым: поезда с солдатами и техникой стремительно неслись на фронт, гражданские же составы пропускали всех. Много часов и даже суток приходилось стоять в степях, люди улаживали быт, готовили скудную пищу, справляли нужду и просто жили. Поезд медленно плелся по унылым казахским степям в Ташкент. Как тогда говорили, «Ташкент – город хлебный». И это действовало как магнит. Многие стремились туда. В Узбекистан из прифронтовых районов было отправлено более миллиона человек, в том числе двести тысяч детей. С трудом можно представить, сколько людей находилось в то время в узбекской столице. Город напоминал большой муравейник. Сотни тысяч людей как-то пытались устроить свою жизнь. Тысячи человек, доведенные до отчаяния, атаковали поезда, чтобы просто поехать в каком-либо направлении. И в это время моя семья – прабабка и две ее дочки – оказалась на главной

станции Ташкента. Билетов в кассах не было. Вокруг орудовали жулики. Голодные и доведенные до отчаяния пассажиры, которые не знали, куда им дальше ехать и что делать, тоже вели себя агрессивно. Никто толком не понимал, что происходит вокруг и что нужно предпринимать.

Моя прабабка, малограмотная, напуганная и уставшая, с двумя детьми, на третьи сутки ожидания и непрерывного стояния в кассах полностью отчаялась. Не было еды и, самое страшное, не оставалось ни малейшей капли надежды. В какой-то момент ей стало абсолютно понятно, что в Тбилиси им не попасть никогда. Дорога до Каспийского моря тянулась на две тысячи километров по пустыне Каракумы, а потом надо было попасть на паром, который идет из Красноводска в Баку. На этом их маршрут не оканчивался – следовало преодолеть пятьсот километров по горам Кавказа до Тбилиси. Вера Ивановна рассказала о своих страхах и сомнениях дочери Валентине, и то, что дальше произошло, можно назвать чудом. Тогда юная Валя впервые в жизни проявила характер, тот самый характер, который сегодня знает вся наша семья. Она сказала: «Мама, ты чего сдалась-то. Иди к начальнику станции, начальникам всех проходящих поездов и умоляй их. Нам срочно надо отсюда уезжать!»

Не знаю точно, эти ли слова так повлияли на Веру Ивановну, или так сложились обстоятельства, но в тот же вечер они смогли сесть в проходивший товарный поезд и отправились на запад, в сторону Каракумов. Те, кто бывал в этой пустыне, знают, что дорога через нее малоинтересна. Когда-то я проехал все Каракумы на велосипеде и не понаслышке знаю, насколько труден путь через это пространство. Кроме нескольких городов в Узбекистане и двух-трех поселений в Туркмении, путников ожидало более двух тысяч километров безжизненной пустыни.

Ни зелени, ни лесов, ни полей – ничего не встречается на пути. Товарняк с моей родней уныло плелся к морю. Двенадцать тяжелых дней длилась эта поездка. Война всё это время ощущалась только во встречных эшелонах с ранеными и обгоняющих их товарняк поездах, спешащих на фронт.

Когда прабабушка с девочками прибыли в захолустный городок Красноводск на Каспийском море, как раз отходил паром до Баку. Им повезло, и они успели на паром. Сегодня моя бабушка неохотно вспоминает об этом эпизоде своей жизни. Она говорит лишь, что ей было очень страшно, её постоянно мутило, ей хотелось есть и пить. Еще несколько дней понадобилось семье, чтобы добраться до Тбилиси.

В небольшом селе Кода в пригороде Тбилиси жить было гораздо спокойнее и приятнее, чем в Борском: дядька служил на аэродроме, тетка где-то работала, у Веры Ивановны был паек. Тем не менее во время войны каждый понимал, что он должен работать, это относилось и к моей бабушке. Тринадцатилетняя Валя устроилась на сельскую почту. Там она познакомилась с двадцатилетней жительницей села Татьяной. Татьяна была русская, но по какой-то причине судьба занесла ее в грузинскую деревню. Историю об этой удивительной девушке, чья судьба причудливо вплелась в жизнь Валентины, я расскажу чуть позже. Сейчас отмечу только показательный факт: несмотря на то, что на почте трудились всего две юные девушки без какой-либо охраны, они чувствовали себя в безопасности, не боялись за свои жизни в беспокойное военное время.

Сегодня, в современном ожесточенном мире, нас заставляют бояться друг друга. Нам буквально навязывают чувство страха – страха за свою безопасность, за жизни близких. В две тысячи семнадцатом году я со своей семьей посетил Коду. Так вот, о страхе мне рассказали жители села Кода летом две тысячи семнадцатого года, когда я решил отыскать дом бабушки Тани. Как мне рассказали ее родственники, к ним до вооруженного конфликта Грузии и Южной Осетии две тысячи восьмого года всегда приезжали гости из России. Их дом каждое лето был полон друзей и родни. Грузины очень гостеприимны, и неудивительно, что у них всегда много гостей. Когда мы нашли дом, в котором жили бабушка Таня, ее муж Миша, их сын Мита (кстати, это не грузинское имя, а сочетание первых двух букв имен родителей), его жена, три дочери и сын, они сначала очень растерялись. А потом... Потом надо было видеть радость хозяев дома, когда они поняли, что к ним нагрянули гости из России.

Они сказали нам: «Вы первые русские, которые переступили порог нашего дома с две тысячи восьмого года». Почему, спросите вы? Что же такого страшного произошло? Почему простые русские люди перестали приезжать в гости к простым грузинам? Ответ лежит на поверхности, и он очень прост. Это страх. Очередной причиной навязывания нам этого чувства оказался не вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией. Этот конфликт был лишь поводом вложить в наши души страх. На первый взгляд, непонятно, в чем проблема российско-грузинских отношений. Ведь конфликт произошел между Грузией и Южной Осетией и длился всего пять дней (с восьмого по двенадцатое августа). Да, в этом конфликте были замешаны российские и грузинские войска. Да, в ходе конфликта погибло несколько сотен человек, и это весьма печально. Но, дорогие мои, причем тут простые россияне, которые теперь недолюбливают простых грузин?

А если принять во внимание две войны на территории Чечни в девяностых, то по этой же логике теперь простые русские люди должны, как минимум, перестать общаться с простыми чеченцами. Ведь в тех войнах наша страна потеряла тысячи солдат, тоже простых ребят, которые не понимали, за что воевали и за что умирали. Тогда российским политикам не надо было внушать страх перед чеченцами, ведь они свои, они наши. Другое дело грузины. Они теперь не свои. Они чужие. Так вот, видели бы вы глаза этих «чужих» грузин из обычной грузинской деревни. Видели бы их искренний восторг перед приехавшими к ним российскими гостями в тот жаркий августовский день. Знаете, тогда я понял, почему моя бабушка, будучи тринадцатилетней, боялась ехать в Баку.

тилетней девочкой, не боялась работать в этой маленькой деревеньке, на этой почте. Трудясь почти круглосуточно, она не испытывала страха, потому что вокруг были свои – не важно, русские, грузины, туркмены, чеченцы или киргизы.

С тех пор прошло больше семидесяти лет, сейчас нам стали четко объяснять, кто есть «свои» (кстати, их год от года становится всё меньше) и кто «чужие». «Чужих» мы должны бояться и, самое малое, не общаться с ними. Каково же бывает удивление моих соотечественников, когда они встречаются с «чужими» и не видят в них «чужих», а встречая «своих», вдруг с ужасом понимают, что они не очень и «свои». И в этот момент приходит разочарование в словах и тезисах, записанных и когда-то аккуратно вложенных в наши мозги.

Давайте же вернемся в тысяча девятьсот сорок третий год. Моя семья оставалась в Коде вплоть до сорок четвёртого. Судя по рассказам моей бабушки Валентины Петровны – с вашего позволения, бабы Вали, – жили они неплохо. Единственное, что очень огорчало, – это редкие письма с фронта и томительная неизвестность. Девочки очень скучали по своему папе, который служил в далеком Мурманске. Весь год Вера Ивановна писала мужу письма, а маленький почтальон Валя их отправляла. Теперь они стали проситься к отцу Мурманск. Эти письма возымели действие, и осенью сорок четвертого года Пётр Данилович ненадолго приехал в отпуск. Сейчас мне трудно понять логику того времени, но прадед принял решение, которое во многом изменило судьбу семьи: он поддался на уговоры и решил перевезти жену и девочек в Мурманск. Не забывайте, в сорок четвёртом еще всю шла война. Город находился на военном положении. Мирному населению было запрещено перемещаться в зоны боевых действий без особого разрешения. Мои родные сильно рисковали. Как рассказывала бабушка, они скрывались от военных патрулей, прятались на третьих полках общих вагонов. Пассажирские поезда шли очень медленно, и дорога до Мурманска заняла больше месяца. К их поезду было прицеплено несколько открытых платформ с зенитками, на которых постоянно дежурили солдаты. К счастью, осенью тысяча девятьсот сорок четвёртого года немцам было уже не до обстрела товарняков, уныло ползущих по пустыне Туркменистана, бескрайним степям Казахстана и лесам Центральной русской возвышенности. Когда поезд прибыл в Мурманск, или, вернее сказать, туда, где когда-то был город, шел октябрь сорок четвёртого года. В эти дни части Красной армии и Северного флота перешли в наступление и в двадцатых числах октября были на границе Финляндии и Норвегии. Для мурманчан наступило долгожданное затишье.

В эти дни в Москве по поводу освобождения Севера от немецких захватчиков прогремел салют, а моя семья стала устраиваться на новом месте. Как я уже упоминал, мой прадед Пётр Данилович прослужил в армии до тысяча девятьсот пятьдесят третьего года и ушел в запас в звании майора, когда ему было сорок девять лет. Из них тридцать пять лет он провел на воинской службе. Вы только задумайтесь, тридцать пять лет! Сколько событий и судеб промелькнуло перед его глазами...

В Мурманске моя бабушка и ее сестра Элла окончили школу. Бабушка стала работать в конторе. Там она и повстречала моего деда Василия.

История вторая. Дед Василий и его семья

Мой дед Василий Павлович Сухачёв родился в деревне Сечено Орловской губернии, в очень большой семье. Всего в ней было четырнадцать детей. Я пытался отыскать на карте Орловской области название этой деревни, но, к сожалению, ничего не нашел. Возможно, Сечено было стерто с лица земли вместе с сотнями других деревень временем, войной или новыми веяниями последних десятилетий. Только с тысяча девятьсот двадцать седьмого по тысяча девятьсот семидесятый год в России перебрались в город, были раскулачены и выселены более пятидесяти восьми миллионов жителей сёл и деревень.

Василий Павлович появился на свет в тысяча девятьсот двадцатом году. В семье Сухачёвых из четырнадцати детей выжили четверо мальчиков и четыре девочки. Мне с детства нравились рассказы об этих удивительных людях – истории о дружбе, войне, простом героизме. Истории, в которых смешались невероятное упорство, желание жить, предательство и забвение. Думаю, читателям нашего времени они могут показаться вымышленными. Однако хотел бы вас заверить, что все нижеизложенное происходило реально – в своем повествовании я опирался на многочисленные поиски и работу с документами. Если и есть какие-то преувеличения, то они скорее встречаются в пересказе моих родных – участников тех событий.

Итак, большая семья Сухачёвых (мать Александра Алексеевна Ерохина и восемь ее детей), удивительным образом сбежав от раскулачивания, переехала в Ленинград в тысяча девятьсот двадцать девятом году. Как мне удалось выяснить из семейных архивов, предки Александры Алексеевны, матери семьи Сухачёвых, были из старинного рода знаменитых в России торговцев хлебом двора Его Императорского Величества. Фамилия их рода Полуэктовы корнями уходит в Грецию. Также в семейных альбомах сохранилась фотография моей прабабки Александры Алексеевны, сделанная в тысяча девятьсот шестом году. С нее на нас смотрит прекрасная двадцатилетняя девушка, в очень красивом платье, с восхитительной прической. Моя бабка говорит, что в те времена такая прическа могла стоить не меньше полутора тысяч рублей.

Так что же произошло в этом крепком семействе, что заставило целую семью с грудным ребёнком сняться с насиженного места, бросить дом, хозяйство и поехать неизвестно куда? Что стало с моим прадедом Павлом Сухачёвым, мужем Александры Алексеевны? Эти вопросы не давали мне покоя долгие годы. Ответы оказались простыми и страшными одновременно. По словам двоюродного деда Михаила, моего прадеда и своего отца дети потеряли рано. Как говорили в те времена, их родители были кулаками. Хотя на тот момент у кулака Павла Сухачёва было всего две коровы да лошадь. Тем не менее в двадцать девятом году их раскулачили, мужа и отца семейства арестовали, а семья была попросту вынуждена бежать. К тому времени около двухсот пятидесяти тысяч хозяйств в новой стране сообразили и успели самораскулачиться – продать или раздать родным имущество и уехать в город. Мой прадед, к сожалению, не сообразил. Его судили и сослали на Урал, в верховья реки Чусовой. Там он и сплавлял лес, пока в тысяча девятьсот тридцать пятом году не сбежал. Павел каким-то невероятным образом узнал, что его семья теперь в Ленинграде, и решил на свой страх и риск поехать на встречу с родными, но встреча эта не стала радостной.

Дед Михаил рассказывает, что однажды тихим летним вечером мать приказала всем детям выйти из квартиры погулять. Это было странно, так как она раньше никогда так не делала. Шестилетний Мишка видел, как в парадное вошел какой-то мужчина. Позже старшие дети говорили, что это был их отец. Детям до поздней ночи было запрещено входить в дом. Думаю, в этот вечер произошел разговор матери и отца. К тридцать пятому году старшие дети в семье Сухачёвых уже были пионерами и комсомольцами. Возможно, поэтому мать с отцом и договорились о том, что для блага семьи отец должен навсегда исчезнуть. И он исчез – вышел

из парадного и очень быстро ушел в ночь, ни разу не обернувшись. Мать запретила детям бежать за отцом. Честно говоря, мне тяжело сейчас представить эту картину, хотя в девять лет я пережил что-то подобное. Тогда от меня тоже уехал отец, навсегда. Известно только одно – каким-то образом Павел устроился работать в пожарку недалеко от Московских ворот. После этого вечера не было ни материнских историй и объяснений, ни детских баек, ни рассказов вездесущих соседей. От отца в жизни восьми детей не осталось и следа. Потом Александра Алексеевна так и не вышла замуж. Главным подвигом ее жизни стало воспитание детей.

Детей в этой большой семье звали так: Николай, Василий, Михаил, Константин, Катерина, Елена (ее все называли Люсей), Варвара, Анна. Когда в двадцать девятом году семья Сухачёвых перебралась в Ленинград, старшему сыну Николаю было семнадцать лет, а младшему, Михаилу, – всего полгода. Моему же деду Василию только что исполнилось пятнадцать лет. Как мне удалось выяснить, сначала семья хотела перебраться в подмосковный город Подольск, но каким-то невероятным, удивительным образом госпожа Судьба привела их в Ленинград. Когда они ехали в поезде, с ними в одном вагоне возвращались в город какие-то партийные деятели. Они-то и побеспокоились об Александре Алексеевне и ее детях, договорившись через Московский райком партии Ленинграда, что Сухачёвы будут определены в девяносто девятую образцовую школу, ту самую, в которой семья и прожила до сорок второго года. Им выделили двенадцатиметровую комнату. Александра Алексеевна устроилась работать уборщицей и истопником в школу. Дети учились тут же. По словам деда Василия, директор школы была очень довольна, что Сухачёвы жили при школе: на детских плечах были все работы по хозяйству, мелкий ремонт классов, сборка мебели. Через пару лет директору школы удалось договориться с кем-то из городской управы, и Сухачёвы переехали в соседний со школой дом, на Воронежскую, 55, где они и встретили войну. Теперь у них была большая восемнадцатиметровка. На самом деле, конечно, это была обычная комната в коммунальной квартире, но теперь уже не все дети спали на полу – некоторые могли устроиться на кровати. Хотя укладывались они поперек, подставив под ноги скамейку. В свободное от работы по школе и уроков время мальчики и девочки занимались в кружках и играли в струнном оркестре Ленинградского клуба железнодорожников. Несмотря на жуткую нужду, ребята были разносторонне развиты: они пели, рисовали, посещали авиамодельный кружок.

Дед Василий ушел в армию еще до войны, в тысяча девятьсот тридцать девятом году, и уже зимой того года девятнадцатилетний юноша прошел первое боевое крещение: Красная армия несла огромные потери в Финляндии, мороз достигал сорока градусов. В этой стуже и закалялся характер моего деда. Через год после финской кампании началась Великая Отечественная война. Летом сорок первого связь с Василием была прервана. В семье, оставшейся в блокадном Ленинграде, о нем ничего не было слышно, и только зимой сорок первого – сорок второго кто-то из соседей принес радостную весть: «А Василий-то ваш жив, о нем в заметке написали. Говорят, сражался как герой в Раменском». И действительно, Василий Павлович Сухачёв был командиром пулеметного взвода противовоздушной обороны, который состоял из женщин-пулеметчиц. Он геройски защищал Москву, но, по словам его родного брата и моего двоюродного деда Михаила, никак не мог защититься от пулеметчиц – женщины вили из командира веревки, пользуясь его мягким характером. Василий даже писал рапорт о том, чтобы его перевели, но тот остался без ответа. Войну Василий окончил не под Берлином, до которого почти дошёл, – он был переброшен на Дальний Восток и домой вернулся только в конце сорок пятого года в звании старшины. Василий Павлович награжден многочисленными медалями.

Самые ужасные дни начались для семьи Сухачёвых даже не в самом начале войны, когда на фронте оказались четверо детей, а в Ленинграде остались Александра Алексеевна и еще четыре ребенка. Страшным днем для всех жителей Ленинграда и моей семьи в том числе стало 8 сентября 1941 года. В тот день немецкие, финские и испанские («Голубая дивизия») войска

при участии добровольцев из Северной Африки и Европы окружили город. Это было начало тяжелейших испытаний для нашей страны и для моей семьи. Долгих восемьсот семьдесят два дня, по январь сорок четвертого года, длился этот кошмар. Тогда же, в сентябре сорок первого, все думали и говорили, что блокада продлится недолго – две-три недели, максимум месяц. Они ошиблись в предположениях на два с половиной года.

Недавно в Петербурге я разговаривал с моим другом об этих ужасных днях. Мы сидели в красивом ресторане, вкусно ели и пили, делились историями о наших семьях и том страшном времени. Придя домой, я долго не мог уснуть. Что-то не давало мне покоя. Я чувствовал, как будто кто-то хочет мне о чем-то сказать. Включив свет, я достал бумагу, ручку и стал писать. То, что получилось, позже удивило меня самого. Вот эти строки.

*Я видел глаза петербуржцев,
Говорящих со мной о блокаде.
Глаза, наполненные горем,
Кричащие об этом аде.*

*В век мирный, пустой и бездушный
Храним мы кусок этой боли,
Делясь, как краюшкой хлеба,
Историей этого горя.*

*Мой сын, моя дочь, мои внуки!
Глядя в глаза петербуржцев,
Увидьте в них жажду жизни
И помните эти строки.*

*Та жажда спасла их от смерти.
В мороз согревала надеждой.
Заставила биться сердце
Под ветхой, в прорехах одеждой.*

*Всем тем, кто пережил муки,
И тем, кто умерли раньше,
Позвольте сказать спасибо
За шанс жить спокойно дальше.*

Удивительным образом это стихотворение прозвучало на встрече блокадников 9 мая 2016 года в Петербурге. Оказывается, бабушка, прочитав стихи, попросила мою маму отправить их в Петербург. Там стихотворение оказалось в руках маминого учителя, бесподобной Галины Васильевны Комяковой, рассказ о которой был бы достоин отдельной главы. Она-то и передала стихи организаторам вечера. На встрече было больше пятисот человек. В основном как раз те самые жители Ленинграда, пережившие блокаду. Когда ведущий читал эти строки, в зале воцарилась гробовая тишина. Потом люди стали просить, чтобы ведущий прочитал стихотворение еще раз. Как рассказала Галина Васильевна, которая тоже присутствовала на этом вечере, некоторые старики плакали.

Как-то я приехал в Петербург и решил зайти туда, где жили мои родные в тяжелые годы блокады. Их дом находился на улице Воронежской, в нескольких минутах ходьбы от Обводного канала. Я увидел старую шестиэтажную постройку. В ней было всего одно парадное, хотя я бы назвал его скорее подъездом, ибо на парадное оно точно не походило. Квартиры «укра-

шали» в основном облезлые, старые, выкрашенные в коричневую краску двери. На некоторых даже остались таблички: «Волковой – звонок такой-то», «Иванову – такой-то». Дед Василий рассказывал, что их семья жила в квартире номер один, а в этом доме всего один подъезд, и квартиры начинаются с седьмой. Когда я пытался выяснить у соседей, почему такая странная нумерация, никто не сказал мне ничего конкретного. Отмечали только, что была какая-то неразбериха и поэтому квартиры теперь начинаются с седьмой.

Подробно об истории моей семьи, об этом доме, о судьбах людей, его населявших, написал мой двоюродный дед Михаил Павлович Сухачёв в своей книге «Дети блокады», которая вышла в свет в издательстве «Детская литература» в 1989 году. Эта книга переиздавалась четырежды. Мне посчастливилось лично общаться с Михаилом Павловичем (дядей Мишей). Он единственный из большой семьи Сухачёвых, в тысяча девятьсот двадцать девятом году переехавшей в Ленинград, и сегодня жив. Да еще как жив! В свои почти девяносто он чуть ли не каждый год ездит в Европу кататься на лыжах. Его внук Кирилл как-то в шутку заметил: «Михаил Павлович в этом году вернулся из Андорры и удивительным образом ничего себе не сломал».

О дяде Мише я могу говорить долго и с удовольствием. Он профессиональный летчик, полковник в отставке. Еще будучи школьником, Михаил Павлович занимался в авиамodelьном кружке и построил модель самолета, которая полетела дальше всех на соревнованиях ленинградских школьников. Пережив блокаду и войну, мальчишкой он в сорок пятом году поступил в Ленинградскую спецшколу военно-воздушных сил. Затем стал курсантом Борисоглебского авиационного училища имени В. П. Чкалова. После окончания училища М. П. Сухачёв в звании лейтенанта был отправлен в Винницу, где с тысяча девятьсот пятьдесят первого года служил в сорок третьей воздушной армии дальней авиации. В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году командование армии отправило теперь уже капитана Сухачёва в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. Окончив академию в шестьдесят первом году, дядя Миша остался в ней преподавать. Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию. Многие годы Михаил Павлович готовил кадры для высшего командного состава авиации нашей страны. Потом работал в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР. Несколько лет Михаил Павлович провел в Египте, обучая курсантов Египетской военной академии лётному делу. Там он познакомился с летчиком по имени Хосни. Мой дед обучал Хосни летать на сверхзвуковых советских истребителях. Как он рассказывал, Хосни был приятным, открытым человеком, знающим свое дело. Впоследствии Хосни Мубарак стал главным маршалом авиации Египта, командовал авиабригадой в Каире, а с тысяча девятьсот восемьдесят первого по две тысячи одиннадцатый год был президентом Египта. Вот такие интересные повороты в жизни приготовила для маленького блокадника Миши Сухачёва судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.